

Рафик Абрамян

Разгром закавказскими народами турецких агрессоров в Гандже в 1723 г.

В решении декабрьского Пленума ЦК КП Армении 1947 года «О мерах по усилению идеологической работы в армянской партийной организации» отмечалась необходимость разработки ряда актуальных и важных тем, относящихся к истории взаимоотношений между русским, армянским, грузинским и азербайджанским народами, необходимость «разработать вопросы истории русско-армянских отношений, показывающих прогрессивную роль русского народа в экономическом и культурном развитии армянского народа, а также вопросы, освещающие общность исторических судеб братских армянского, грузинского и азербайджанского народов»¹.

В истории освободительных войн народов Закавказья против иностранных захватчиков исключительный интерес представляет блестящая победа, одержанная объединенными силами братских народов—азербайджанцами, грузинами и армянами—над турецкими агрессорами в октябре 1723 г. в Гандже (нынешний Кировабад, Азербайджанской ССР).

История этого сражения, насколько нами выяснено, еще не изучена. Она обойдена молчанием в таком объемистом труде, относящемся к этому периоду истории Азербайджана, как «Очерки по истории Азербайджана в XVIII веке» кандидата исторических наук В. Н. Левиатова, использовавшего более чем 500 первоисточников на разных языках. Не уделил этому сражению внимания также В. П. Лысов в своем труде «Персидский поход Петра I в 1722—23 гг.», несмотря на то, что автор ставил себе целью изучение развернувшихся в этот период народно-освободительных движений в Закавказье, связанных с походом Петра I. Ганджинское сражение не упоминается также ни в одной монографии или учебнике, освещающих эту эпоху.

Это важное событие прошло мимо внимания историков не потому, что ему придавалось второстепенное значение, а лишь по той причине, что основные документы, относящиеся к этому сражению, не были известны и опубликованы.

В Центральном государственном архиве древних актов мы познакомились с рядом документов (писем, обращений, докладов и т. д.), посланных русскому Двору политическими кругами азербайджанцев и армян Ганджи и Карабаха после Ганджинского сражения и под непосредствен-

¹ Газета «Коммунист» (орган Центрального и Ереванского комитетов КП Армении) за 1947 год, № 305.

ным его впечатлением, а также с заявлением, сделанным 4 июня 1724 года представителем Мамед Кули-хана при русоком Дворе—князем Розелом,—и другими документами, в результате чего Ганджинское сражение предстало перед нами в совершенно ином свете. Поэтому мы решили остановиться на этом историческом событии, столь красноречиво свидетельствующем о дружественных взаимоотношениях закавказских народов и об их совместной героической борьбе против иноземных агрессоров.

В первой четверти XVIII века Закавказье было разделено между двумя иноземными захватчиками: Западная Армения и некоторые районы Западной Грузии находились под властью султанской Турции, а Восточная Армения и Азербайджан—под кабалой шахской Персии.

Персия в это время была ареной глубоких социально-политических потрясений. Знарок истории Ирана М. С. Иванов, говоря о положении в Персии этого периода, пишет следующее: «К началу XVIII века противоречия между крестьянами и феодалами, а также между покоренными народами и правящей сефевидской верхушкой чрезвычайно обострились... Происходила ожесточенная борьба между духовенством и светскими феодалами и борьба между различными феодальными группировками»¹.

Персия особенно пострадала в результате восстания авганских феодалов. В течение нескольких лет в стране шли кровопролитные войны, во время которых разорялся трудящийся народ. За войнами следовали голод и эпидемии.

Положение было особенно тяжелым для закабаленных народов—армян, грузин, азербайджанцев и других. Эти народы подвергались двойной эксплуатации. Их грабили и местные феодалы, и иноземные завоеватели. По свидетельству современного историка Есаи Гасан Джалаляна, налоги удвоились и утроились. Если раньше государственные чиновники получали свое жалованье от Двора, то сейчас все это бремя было переложено на народ. Налоги обычно собирались ханами, через своих сборщиков, а ханы вносили налоги не в установленной мере, а сколько хотели и могли. Ханов назначал Двор; чиновники Двора брали огромные взятки при назначении ханов. Назначение хана часто превращалось в аукцион по принципу: кто даст больше, тот и будет назначен. «И они (т. е. назначенные государственные служащие—Р. А.), приступив к работе, как люди, получившие власть посредством взятки, также и сами, оставив в стороне всякое судопроизводство и закон, грабили подданных своих»².

Положение закавказских народов было особенно тяжелым в районах, захваченных султанской Турцией.

Турецкие войска в Закавказье грабили местных жителей, забирали их в плен и тысячами угоняли в рабство. По Чамчяну, рынки Турции бы-

¹ М. С. Иванов, Очерк истории Ирана, Москва, 1952, стр. 80.

² Նաոի շահաճ-Չալալեանց, Պատմութիւն համառոտ Աղուանից Երկրի, Երուսաղէմ, 1888, էջ 17:

ли переполнены рабами, которыми «торговали в городах, в особенности в Константинополе, куда их сгоняли в несметном количестве»¹.

Ясно, что свободолюбивые народы Закавказья не могли терпеть турецких и персидских угнетателей, стремившихся ассимилировать их, и при активной помощи русского народа они начали героическую борьбу за свою свободу и независимость.

Говоря о персидско-турецких притеснениях в отношении армян и грузин, И. В. Сталин писал: «...Персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации, но они не только не добились уничтожения этих наций, а—наоборот—оказались вынужденными также капитулировать»².

В XVIII веке Россия вела активную политику на Востоке. Целью Петра I являлось завоевание стратегически важных территорий на Востоке с тем, чтобы обеспечить безопасность южных границ России. Для правящих кругов России большое значение имели также расширение внешней торговли на Востоке, обещающее крупные прибыли, и налаживание тесных торговых связей с Индией через Персию.

Русская дипломатия была знакома с развертывающимся в Закавказье освободительным движением, руководящие круги которого непрерывно обращались к России и просили ее о помощи. Петр I желал протянуть руку помощи закавказским народам, могущим впоследствии стать его твердой опорой на Кавказе.

Армяне, грузины и азербайджанцы видели в лице России государство, пользующееся большим международным авторитетом, государство, которое может помочь им освободиться из-под игоземного ига и стать на широкий путь экономического и культурного развития. «Россия,—писал Энгельс,—...по сравнению с Востоком действительно прогрессивна. Русское господство... было цивилизирующим для Черного и Каспийского морей и для Центральной Азии, для башкир и татар»³.

В 1722—23 гг., когда русская армия взяла расположенные на восточных берегах Каспийского моря порты и заняла близлежащие к ним стратегически важные территории, в Закавказье, стремившемуся к освобождению, поднялось большое воодушевление.

К России были обращены взгляды как трудящихся, так и других социальных слоев: феодалов, духовенства, торговцев и т. д., при этом, конечно, каждый из них исходил из своих собственных социально-классовых интересов.

Руководящие круги Англии и Франции, как и всегда, выступили в роли ярых противников освободительного движения народов Закавказья.

С. М. Соловьев, пользуясь первоисточниками, приводит в своей «Истории России» много фактов, вскрывающих враждебную позицию правительств Англии и Франции, занятую ими в отношении закавказских народов и покровительствующей им России.

¹ И. В. Сталин, *Исторический курс, Чехословакия, 1976, выпуск 4-й, № 53*.

² И. В. Сталин, *Сочинения, т. 11, стр. 348*.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Письма, Москва—Ленинград, 1931, стр. 52*.

Наши советские историки в своих новейших исследованиях совершенно правильно замечают, что на протяжении долгих десятилетий и Англия, и Франция выступали яркими противниками национально-освободительного движения закавказских народов. На помощь, оказанную Россией народам Закавказья, естественно, не могла смотреть благожелательно Турция, давно мечтавшая использовать благоприятные политические условия—бесчисленные смуты в Персии—для того, чтобы захватить Закавказье и Азербайджан.

С осени 1723 года Турция начинает осуществлять свои захватнические планы. Воспользовавшись вспыхнувшими в Грузии межфеодалными распрями, хорошо вооруженная крупная турецкая армия вторгается в Грузию и занимает город Тбилиси.

Однако турецкие агрессоры лелеяли еще более далеко идущие планы; они не удовлетворяются захватом Грузии, а, ставя себе целью завоевание всего Закавказья, стремятся выйти к Каспийскому морю и воспрепятствовать закреплению русских войск на его берегах.

На пути турецких захватчиков к Каспийскому морю важнейшим военно-стратегическим узлом являлся г. Ганджа, захватом которого турецкая армия обеспечила бы себе тыл и связалась бы с союзными войсками дагестанского феодала Давуд-бека. Взятием Ганджи турецкая армия создавала очень важную для себя базу, откуда могла бы беспрепятственно пополнять и обильно снабжать свои войска, идущие к Каспию.

Представитель Мамед Кули-хана—Розеп—на русской коллегии иностранных дел справедливо заметил: «Турки ныне в таком намерении пребывают, чтоб им взять Генжу, и ежели они завладеют Генжею, то могут властвовать над Персией, понеже и лезгинцы к ним пристанут и Грузия всея под рукою их останется»¹.

О намерениях турецкой армии ганджинцы и карабахцы писали в своем письме Петру I: «...турецкий султан откомандировал на нас с несколькими пашами 70 тысяч войск, таким намерением, дабы учиня нам разорение и от жилищ наших отгонение, итти на Россию»².

Заняв Ганджу, турецкие войска могли разъединить армян, грузин и азербайджанцев, для которых этот город являлся важнейшим связующим узлом. И, наконец, взяв Ганджу, турки создали бы угрозу для населения Еревана и Нахичевана и затруднили бы посылку им помощи.

Перед наступлением на Ганджу турецкое командование, по поручению Порты, написало письмо одному из карабахских армянских военачальников—Авану—и предложило ему присоединиться со сгинакским армянским войском к турецкой армии и двинуться на Ганджу, однако армяне категорически отказались от этого.

Об этом мы узнаем из заявления священника Антона, сделанного им 26 ноября 1723 г. в Баку: «А от Оттоманской Порты,—заявил Антон,—к армянскому юзбаше Авану присланы были письма в октябре месяце,

¹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. № 66, л. 544.

² Там же, л. 520.

а в котором числе не упомнит, в которых писано, чтобы он юзбаша Аван соединился с турецким войском вместе на Генжинских жителей; а те письма присланы были от турецкого Ибрагим-паши с Турченином. И на сное армяне ответствовали, что де им с ними турками в соединении быть невозможно...¹».

Таким образом, вековые соседи Ганджи—карабахские армяне—в тяжелые для азербайджанцев дни не изменили им и без всякого колебания по лали общему врагу отрицательный ответ, не побоявшись даже того, что турки, взяв Ганджу, непременно двинутся на Карабах и отомстят карабахцам.

Дата ганджинского сражения, к сожалению, не упомянута ни в одном из документов, присланных русскому Двору.

Большая часть писем, содержащих сведения о Ганджинском сражении, написана в конце декабря 1723 г. и в первой половине 1724 года, и об этом событии говорится как о факте, происшедшем за несколько месяцев до этого. Однако два других документа дают нам возможность приблизительно установить дату сражения.

Первый документ—это упоминание о Ганджинском сражении в письме Есаи Хасан-Джалалянца и карабахских меликов к генералу Матюшкину, датированном 1 ноября 1723 г.; если в этом документе Ганджинское сражение уже упоминается², то стало быть оно произошло до 1 ноября 1723 г.

Второй факт—это показания отправившегося ко Двору Петра I священника Антона военным властям, данные по поручению карабахцев (обычно делегаты и курьеры, прибывавшие из Армении, Грузии и Азербайджана в Баку, Дербент и Св. Крест, подвергались допросу русскими военными властями; полученные во время этих допросов сведения фиксировались и копии их иногда посылались в коллегию иностранных дел для сведения). И вот во время такого опроса священник Антон показал, что он месяц назад побывал в окрестностях Ганджи и что в это время турецкие войска напали на город. Известно, что священник Антон подвергался опросу в Баку 26 ноября 1723 г., и если он был свидетелем Ганджинского сражения за месяц до своих показаний, данных в ноябре, следовательно, сражение это произошло в октябре 1723 года.

Не должно казаться удивительным то обстоятельство, что эти дошедшие до Двора документы большей частью датированы 1724 г. Прежде всего надо учесть, что не все сведения написаны сейчас же после сражения. Наконец, нельзя не учесть, что письма, отправляемые из Ганджи в адрес русского Двора, шли сначала в Баку, затем в Астрахань и доставка их в столицу иногда отнимала месяцы.

Необходимо учесть также затруднительность передвижения в то время. Путешествие из Армении и Грузии в города, находившиеся под вла-

¹ Г. К. Эзов, *Сношения Петра Великого с армянским народом*, СПб, 1898, стр. 362.

² Там же. стр. 361.

стью русских, было связано с большими опасностями и продолжалось месяцы.

Что Ганджинское сражение произошло именно в октябре 1723 г., видно по четкому показанию Антона, который заявил, что вышеописанный бой был у них прошедшего октября 20 дня 1723 г.

Сравнивая два вышеприведенных документа, можно определенно заключить, что упомянутое сражение окончилось 25—26 октября 1723 г. Во всяком случае Есаи и карабахские мелики в своем послании от 1 ноября уже упоминают об этом сражении.

Из документов видно, что напавшее на Ганджу турецкое войско было снабжено лучшим вооружением своего времени: ружьями, пушками разных калибров, бомбами и т. п.

В своем послании, отправленном Петру I, ганджинцы писали, что султан «...прислал семьдесят тысяч войска с пашами, с артиллерией и с пушками и с бомбами для взятия города Генджи»¹.

То же самое они повторили в послании командующему русскими войсками в г. Баку—князю Барятинскому².

В первоисточниках численность турецкого войска показана разнo. По заявлению Антона, напавшее на Ганджу турецкое войско состояло из 80.000 душ³.

В сообщении священника Александра о численности турецкого войска указана цифра 60.000: «60 тысяч войска турецкого с 12-ю пашами пришли с воинскими приуготовлениями к Ганже»⁴.

В посланном Петру I обращении карабахцев и ганджинцев численность турецких войск определяется в 70.000 душ: «...Турецкий повелитель... ныне собрав 70.000 войска с несколькими великими пашами для взятия провинций Ганджинской и Карабахской прислал...»⁵

О нападшем на Ганджу 70.000 турецком войске упоминается также и в письме жителей Ганджи Петру I: «...повелитель турской своим злым умыслением... прислал семьдесят тысяч войска с пашами, с артиллерией и с пушками и с бомбами для взятия города Генджи»⁶.

В дошедшем до русского Двора без подписи и без печати послании состав напавшего на Ганджу турецкого войска определен цифрой в 40.000 человек⁷.

Из всех сведений о численности турецкого войска, напавшего на Ганджу, нам кажется наиболее вероятным сообщение жителей Карабаха и Ганджи, а именно 70.000 душ, по той ясной причине, что, во-первых, эти сведения сообщались непосредственными участниками сражения и, во-вторых, эта цифра повторяется также и в пяти других документах.

¹ ЦГАДА. ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. № 66, л. 552.

² Там же, л. 551.

³ Г. К. Эзов. Сношения Петра Великого с армянским народом, стр. 362.

⁴ Там же, стр. 364.

⁵ ЦГАДА. ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. № 66, л. 553.

⁶ Там же, л. 552.

⁷ Там же, л. 526.

Нам кажутся вероятными также сообщения о том, что турецкое войско состояло именно из 60.000 солдат. Вовсе не было бы странным, если бы к турецкому войску, шедшему на Ганджу, присоединились союзники Турции—лезгинские феодалы или другие феодалы протурецкой ориентации; соединение этих войск с турецкими могло составить цифру 70.000.

Присоединение лезгинских феодалов к турецкой армии весьма вероятно, поскольку известно, что они до этого и без турецкой армии пытались захватить Ганджу, но были разгромлены и изгнаны объединенными силами азербайджанцев и армян.

Турецкая армия тронулась из Тбилиси на Ганджу. Предавая огню и мечу лежащие близ Ганджи армянские и азербайджанские села, турецкое войско приблизилось к городу, расположилось лагерем против него, под холмом, носящим название Султан-Селим, и начало осаду.

Пользуясь турецкими первоисточниками, Гаммер пишет: «Отрешенный от должности Эрзерумский паша Ибрагим, правитель Кара Исаак-паша окружили гянджинскую крепость и расположились лагерем на холме, называемом Султан-Селим»¹.

Как видно из дошедшего до русского Двора неподписанного письма, до штурма Ганджи турки подвергли ее сильной бомбардировке: «...по указу Салтане турецкого, некоторые паша с сорока тысячами войском под город Ганджи презжая и четыре тысяча бомб единым разом бросил, но милосердием Божиим никого зла не учинили...»². Вероятно, что бомбардировка города продолжалась и в последующие дни. Однако героических защитников города—азербайджанцев и помогающих им армян—не устрасили ни жестокая бомбардировка, ни яростные штурмы, ни многочисленность вражеского войска. Они оказывали захватчикам беспримерное героическое сопротивление.

Ганджинцы испытывали некоторый недостаток в военных материалах и старались пополнить их за счет отбитых у врага трофеев: «...А которые оружие наше (т. е. ганджинцев—Р. А.) было,—говорится в неподписанном письме,—все мы отобрали (от турок—Р. А.)»³.

Азербайджанцы и армяне, защитники города, не только бесстрашно защищали его, но и переходили в контратаки. Во время одной из таких контратак им удалось оттеснить врага и захватить его артиллерию. Этот факт признает и Гаммер: «В самый острый момент решающего штурма, укрепленный турецкими войсками, в результате измены или трусости одного человека, кричавшего о том, что Мамед Кули-хан внезапно напал на их лагерь, произошла такая паника в рядах турецких солдат, что все они повернули обратно для того, чтобы защитить свое имущество. Большим напряжением сил на следующий день им удалось вернуть свои пушки»⁴.

¹ Hammer, Histoire de l'empire Ottoman, p. 97.

² ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. № 66, л. 526.

³ Там же.

⁴ Hammer, Histoire de l'empire Ottoman, p. 98.

Понятно, что это объяснение Гаммера является лишь неудачной попыткой замаскировать позорное поражение, которое потерпели турецкие войска под Ганджой. Если верить тому, что в результате вызванной одним человеком паники в смятении и ужасе разбежалось многочисленное турецкое войско, значит последнее имело основание бояться защитников крепости и идущих им на помощь сил, что в свою очередь красноречиво свидетельствует о храбрости, мужестве и боеспособности защитников Ганджи и тех, кто шли на помощь.

Мы не знаем насколько правильны сообщения Гаммера, что якобы туркам удалось вернуть свою артиллерию, однако нам известно, что ганджинцы действительно захватили турецкую артиллерию. В архиве ВПР МИД СССР хранится письмо очевидца этих событий Мирза Алиа на имя Ильм Мушегова, где пишется: «...Между османцами и ганджинцами происходило семь сражений, и га[н]джинцы не только победили, но и захватили ихнюю артиллерию»¹.

Турецкие войска сражались с защитниками Ганджи более чем 18—20 дней. Во время одного из последних штурмов превосходящим турецким силам, по всей вероятности, удалось прорвать кольцо защиты города, ворваться в город и занять его часть, однако защитники перешли в контратаку и изгнали турок из города.

Очевидно, для захвата города турки предпринимали ряд яростных атак, разбивавшихся о мужественную защиту жителей города. Об этом можно догадаться из следующего намека в письме, отправленном Петру I: «...Мы чистосердечные служители всеусердно со оным безверником (т. е. турецкой армией) несколько разов имели бой, которых божиею милостию при святельнейшем и честнейшем и здешнем великом министре Беклербеком тысяч десять или 12 побили до смерти...»².

Современник этих событий, ганджинский армянин—купец Егиас Мушег в своих письмах (в сборнике копий писем) приводит выдержку из написанного 5 декабря 1723 года письма некоего Мирза Али Шушинского, свидетельствующего о том, что между наступающими турецкими войсками и жителями Ганджи произошло семь крупных сражений, и каждый раз турки бывали разбиты наголову и отбрасывались назад³.

В эти тяжелые для жителей Ганджи дни, как явствует из вышеприведенных выдержек, им на помощь пришел некий Бекларбек со своим войском. Об этом пишут в обращении Петру I руководящие политические деятели Ганджи и Карабаха: «Вашему пресветлейшему и премудрейшему императорскому величеству и над мессиским народом высокоповелительствующему, мы нижайши раби, генжинского и карабагские обыватели доносим... ныне турецкий салтан, пережней заключенной мир и союз отложа и не имея никаких законных причин к нарушению оного мира,

¹ АВПР МИД СССР, ф. Сношения России с Арменией, № 3, за 1724 г. (архив Ильи Мушегова, Письма, т. V, л. 22 а-б).

² ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. № 66, л. 553.

³ АВПР МИД СССР, ф. Сношения России с Арменией, № 3, за 1724 г. (архив Ильи Мушегова, Письма, т. IV, л. 22).

окомондировал на нас с несколько пашами семьдесят тысяч войск таким намерением, дабы учиня нам разорение и от жилищ наших отогнение итти в Россию. И мы, вернейшия раби, вам, государям нашим, помощью великого бога оних злодеев с высокопостеннейшим и сиятельнейшим и высокоповернным господином здешним Беглербеком отоковали и победили их, непостоянных бездельников, многих побили, а которых в живых остались, тех от здешних сторон отогнали»¹.

Кто такой этот «Беглербек», пришедший во главе грузинских войск на помощь защитникам Ганджи в эту трудную пору? Ответ на этот вопрос мы находим в заявлении, сделанном на коллегии иностранных дел князем Розепом—представителем Мамед Кули-хана при русском Дворе: «На Генжу турецкий сераскар с войском приехал и хотел завоевать Генжу, где жители были с 40.000, к которым гентжинцам хан Мамед Кулы ездил с войском на сукурс и, соединясь з генжинтами, бились с турками 7 суток денно и ночью, на котором бою побили турок 7.000 человек и победили, после которого бою сераскар турецкой принужден был побежать»².

О том, что пришедшее на помощь мужественным защитникам Ганджи войско во главе с Мамед Кули-ханом было грузинским, свидетельствует также автор письма, написанного на персидском языке из Ганджи сотнику (юзбаши) Кули. Это письмо, как весьма важное, было переслано во Двор: «А от Мухамед Кули-хана к нам на помощь спешалась приезжая с войском своим...»³.

По всей вероятности, главная часть войска, спешившего во главе с Мамед Кули-ханом на помощь защитникам Ганджи, внезапно, с тыла, напала на осаждавших Ганджу турок и, таким образом, заперла их в кольцо, и враг, разбитый наголову, в панике отступил к Тбилиси.

Турецкое войско понесло в Гандже большие потери. В имеющихся в нашем распоряжении документах число убитых турок показано по-разному. По заявлению представителя Мамед Кули-хана, число убитых солдат определено в 7.000 человек⁴. Семь тысяч перечислено и в письме Ильи Мушегова⁵. В сообщении священника Александра упоминается 9 тысяч человек: «Еще доношу, что в Гандже побито 9 тысяч человек турков...»⁶. Ганджинцы и карабахцы в своем обращении, посланном Петру I, указывают от 10 до 12 тысяч⁷.

Из указанных цифр самой вероятной нам кажется цифра, упомянутая представителем Мамед Кули-хана. При такого рода событиях в народе любят некоторые преувеличения, но во всяком случае в условиях сражения того времени 7.000 не маленькая цифра.

¹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. № 66, л. 520.

² Там же, л. 544.

³ Там же, л. 526.

⁴ Там же, л. 544.

⁵ АВПР МИД СССР, ф. Сношения России с Арменией, № 3 за 1724 г., л. 22.

⁶ Г. К. Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, стр. 364.

⁷ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. № 66, л. 553.

В первоисточниках по-разному показана и продолжительность сражения. По заявлению священника Антона, оно длилось 20 дней¹. То же самое заявляет Есаи². Ганджинцы в своем обращении, посланном Петру I, указывают продолжительность сражения 18 дней: «И мы имели с ними жестокой бой осомнадцать дней»³.

Продолжительность сражения в 17 дней отмечает и Гаммер. Еще короче считает продолжительность сражения представитель Мамед Кулихана князь Розеп. В сделанном им 4 июля 1724 г. заявлении говорится, что: «...бились с турками 7 суток дню и ночью»⁴. Нам кажется, что в вышеприведенных источниках нет противоречий. Азербайджанцы и армяне сражались против турок 18—20 дней. А что касается заявления князя Розепа о семи днях, то, по всей вероятности, эти семь дней являются днями участия в сражении грузинских войск.

Весьма возможно, что турки после поражения под Ганджой отступили не организованно, как попало, и соединились вновь лишь в Тбилиси, причем некоторые пропали без вести. Об этом сохранились некоторые сведения в двух письмах, хранившихся в переписках Ильи Мушегова⁵.

После позорного поражения под Ганджой разъяренные турецкие войска, отступая, начали грабить предместья города и близлежащие села и забирать в плен мирных жителей. Пользуясь незнакомыми нам источниками, Гаммер сообщает, что отступающая из Ганджи турецкая армия утнула с собой 3.000 армян⁶. Священник Антон также свидетельствует о том, что в предместьях Ганджи турки «...разорили за городом армянские слободы и многих армян побили, а других взяли в полон...»⁷.

Из одного сообщения священника Александра следует, что угнанные турками из Ганджи жители не были из числа попавших в плен защитников города, а были беззащитными женщинами и детьми. «...А армян наших (турки) пожитки все разграбили,—пишет он,—многих из них порубили, а иных в полон побрали, и которые армяне имели деньги, те своих детей выкупали, а 60 дворов отстали в Турецкую землю...»⁸.

Нет сомнения, что турки угнали и большое число азербайджанцев; об этом не упомянуто в армянских источниках лишь потому, что целью этих источников являлось описание турецких зверств в армянских районах. Но об этом можно догадаться по одному безыменному письму азербайджанца, посланному русскому Двору. Письмо содержит сведения о том, что турки «около Гянджи зело разорение чинили»⁹.

¹ Г. К. Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, стр. 360.

² Там же, стр. 361.

³ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. № 66, л. 551—552.

⁴ Там же, л. 544.

⁵ АВПр МИД СССР, ф. Армянские дела, № 3 за 1724 г., л. 22.

⁶ H a t t e r, Histoire de l'empire Ottoman, p. 98.

⁷ Г. К. Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, стр. 362.

⁸ Там же, стр. 364.

⁹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. № 66, л. 526.

Ясно, что в близлежащих селах жили не только армяне, но, в основном, — азербайджанцы.

Потерпев поражение под Ганджой, турецкая армия вернулась в Тбилиси, где, оставив часть войска, двинулась к Константинополю. Турецкое командование обратилось к султану за получением новых пополнений, с тем, чтобы продолжать свои завоевания в Закавказье.

Священник Александр об этом пишет: «Еще доношу, что в Гандже побито 9 тысяч человек турков, а остальные ушли в г. Тефлис. И из оных ушедших половина осталась в Тефлис[e], а половина пошла в Константинополь для ученения своему султану известия, и чтоб нынешним летом с знатным числом войска паки возвратитца и города б обрать»¹.

В связи с героическим Ганджинским сражением необходимо выяснить еще один вопрос, в чем заключается источник вдохновения жителей Ганджи, преданных друг другу союзников — азербайджанцев, армян и грузин? Какие перспективы представлялись им? Нелегко ведь было бороться против крупной и организованной турецкой армии, тем более, что они были уверены в том, что и после разгрома наступающей турецкой армии борьба не закончится, так как после первого наступления турок должны были последовать второе, третье и т. д.

Из имеющихся в нашем распоряжении документов ясно видно, что вдохновительницей ганджинцев, как и народов всего Закавказья: азербайджанцев, армян и грузин являлась окрыляющая их надеждой русская армия, шедшая на Закавказье, от которой они ожидали помощи и содействия.

Мы считаем не лишним привести ряд новых фактов, вновь показывающих, в частности, что азербайджанский народ без всяких колебаний придерживался русской ориентации. Эти факты тесно связаны с освещаемым нами вопросом.

Жители и руководящие политические круги Ганджи и Карабаха в письме Петру I, написанном 29 мая 1724 г. и скрепленном 161 печатью, заявили следующее: «А ныне слышим мы, что ваше императорское величество намерились для вспоможения нам против оных (т. е. турков — Р. А.) неприятелей бить в страну нашу, и мы о том зело радуемся... И для этого отправили мы к вашему императорскому величеству для предложения наших сущих приятств и доброжелательства одного из верных своих, чтоб вашему величеству о том донести, дабы ваше величество был извештен, что здешние обыватели вашему величеству все доброжелательны, а народу турецкому зломышленному неприятели, и повеления салтана турецкого никогда не слушаем и от того бегаем... что нам изволите приказать, всеусердно служить готовы»².

Ганджинские военачальники и остальные жители в другом письме, посланном Петру I, подписанном и скрепленном печатями 102 азербайджанцев, просили Петра I: «чтоб ваше величество изволили счисляя нас (т. е. азербайджанцев — Р. А.) яко поданных своих, прислать к нам на

¹ Г. К. Эзов, Сношения Петра I с армянским народом, стр. 364.

² ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. № 66, л. 553.

оборону провинции Генджинской и нас, низайших, против оных неприятелей российских войск в скорости, чем бы возможно оборонитца...¹»

Ганджинцы в одном из писем, присланных русскому командованию в Баку, подписанном и скрепленном печатями 86 азербайджанцев—представителей духовенства, хаджи, юзбашы и других жителей, писали: «...просим, чтобы его величество изволил счисляя нас (т. е. азербайджанцев—Р. А.) яко подданных своих прислать к нам на оборону провинции Генджинской и нас, нижейших, против оных неприятелей российских войск в скорости, которые б соединясь с нашими сакнакскими войсками (речь идет о карабахском армянском войске—Р. А.) могли против оных неприятелей действовать, чем бы возможно оборонитца»².

Турецкое командование, узнав об обращениях карабахцев и ганджинцев, посланных в Россию, стало прибегать к еще более жестоким притеснениям и наказаниям в отношении азербайджанского населения. Это видно из изданного Р. А. Ачаряном письма ганджинцев на имя командира русских войск на Каспийском море.

«Мы бедные, написали молительное письмо и послали двору царскую... чтобы согласно установленному дружбу, из двора царского величества, пришла бы нам, бедным помощь, до того, как дойдет рука тиранов-османцев на наши места и мы бы остались неповредимым. Ныне некоторые османцы узнав об этом, поняли, что мы, бедные, написали покорное прошение вашему величеству и просили помощи. Из-за этого они еще увеличили свою вражду. Имея цель драка и войны, они всячески суживают поле нашего покоя. Ихнее намерение заключалось в том, чтобы до вашего прихода взять нашу область под своим покровительством...

Мы просим, чтобы нас, умоляющих, от великого двора была бы найдена какой-нибудь выход и было бы послана помощь... чтобы мы, божею помощью, как прежде ссыпали пыл стыда на глаза румов (т. е. османцев) вышли победительными, таким же образом, с Вашей помощью, смогли бы ответить до того, как помощь вашего великого защитника христиан одойдет нам, бедным»³.

О русской ориентации жителей Ганджи свидетельствовал также представитель Петра I. Иван-Карает. Так, в одном из своих докладов, посланном им в 1724 г., он твердо утверждает: «Намерение ганджинцев быть подданными России, а не Турции»⁴.

Совершенно необоснованным является утверждение тож. В. П. Лысцова о том, что якобы «...мусульманство в форме суннизма исповедывали народы Дагестана (татары, чеченцы, кумыки, хайтаки, лезгины), Азербайджана и южно-каспийских провинций»⁵ и что, «признавая верховную

¹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. № 66, л. 552а.

² Там же, л. 551.

³ Հ. Աճառյան, Վաղերադրեր հայ-ազրիպահան հարաբերութիւնը ժաման, Երևան, 1927, էջ 67—69.

⁴ ГАФКЕ, ф. Сношения России с Арменией, д. № 4 за 1724 год.

⁵ В. П. Лысцов, Персидский поход Петра I, 1722—1723 г., Москва, 1951, стр. 102.

власть турецкого султана, дагестанские и азербайджанские владельцы отказывались от борьбы за политическую независимость и объективно выступали за переход Прикаспья из-под власти шахской Персии под власть султанской Турции»¹.

Удивительно, что тов. В. П. Лыцов, так обстоятельно говорящий в своем труде о закавказских народах в период похода Петра I, не знает, что основная часть азербайджанцев была не магометане-«сюниты», а «шииты» и что турки относились к магометанам-«шиитам» с неменьшей граждебностью, чем к христианам: грузинам и армянам.

Из первоисточников истории закавказских народов ясно видно, что народы Азербайджана и его лучшие представители безоговорочно имели русскую ориентацию, стремились к России, воодушевлялись продвижением русских войск к Закавказью и только от них ждали помощи в своем освобождении от персидско-турецкого ига.

Значение героического Ганджинского сражения в истории освободительного движения закавказских народов очень велико. Кавказские народы: азербайджанцы, армяне, грузины не раз протягивали друг другу братскую руку помощи против иноземной агрессии. Ганджинское сражение примечательно в том отношении, что в этом сражении выступили в совместной борьбе три народа; они выступили против самого подлого самого зверского захватчика—султанской Турции.

Ганджинское сражение показывает, что героическая борьба народов Закавказья против иноземных захватчиков была тесно связана с ориентацией закавказских народов на великую Россию, с которой нерушимо связали свои судьбы, свое общее счастье три братских народа Закавказья.

¹ В. П. Лыцов, Персидский поход Петра I, 1722—1723, Москва, 1951 г., стр. 107-